

СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ И СУД БРАТЧИНЫ
КАК ВНЕСУДЕБНАЯ ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА
В ПСКОВСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

JUDICIAL AUTHORITIES AND A TRIAL OF BRATCHINA
AS NON JUDICIAL CONCILIATION
IN THE PSKOV FEUDAL REPUBLIC

Ярыш В.Д.

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0003-1522-7286>

Yarish V.D.

Candidate of Law, Associate professor
Associate professor of Theory and history of state and law department
Kuban State University

Аннотация: Рассматриваются судебные органы феодального Пскова и один внесудебный примирительный орган. Судебные органы феодального Пскова аналогичны судебным органам западноевропейских стран феодального периода. Традиционных для европейских стран медиативных процедур в феодальном Пскове не наблюдается. В статье отыскиваются причины отсутствия медиативных примирительных процедур в Российском средневековом обществе. Они состоят в слабом развитии предпринимательства, где как раз и нужны примирительные досудебные процедуры.

Ключевые слова: судебные органы власти, внесудебные органы, суд братчины, причины слабого распространения внесудебных процедур.

Annotation: Judicial authorities of feudal Pskov and a non judicial conciliation are analyzed in the article. The judicial bodies of feudal Pskov are similar to the judicial bodies of Western European countries of the feudal period. Traditional mediation procedures for European countries are not observed in feudal Pskov. The article finds the reasons for the lack of mediation and conciliation procedures in the Russian medieval society. They consist in the weak development of business, where just need conciliatory pre-trial procedures.

Keywords: judicial authorities, non judicial authorities, bratchina court, the reasons for the weak spread of non-judicial procedures.

Судебный процесс в Псковской феодальной республике оставался состязательным, что означает, что стороны, которые именовались сутяжниками, равны в правах и обязанностях и состязаются в доказывании своей правоты, своей позиции по делу. Однако суд уже не настолько пассивен, как в Киевской Руси, некоторые функции суд не берёт ещё на себя полностью, но оказывает помощь сторонам в их осуществлении, чего не было раньше.

Процесс по-прежнему не делился на гражданский и уголовный, но Псковская грамота довольно чётко определила подсудность разных, созданных в Пскове, судов, и она такова, что основную массу уголовных дел рассматривал суд князя и посадника (это их

совместный суд; ни один из них не мог вершить суд без другого), а гражданские дела, по общему правилу, были подсудны суду Псковских выборных судей с судом Господы во главе.

Судебная система Пскова включала:

- 1) суд князя и посадника;
- 2) суд Псковских выборных судей;
- 3) суд владычного наместника;
- 4) суд веча;
- 5) суд братчины.

Суд князя и посадника был постоянно действующим судебным органом, размещённым в княжеских хоромы. Первая статья Псковской судной грамоты прямо указывает: «Вот дела, подлежащие суду князя» и относит к ним: кражи, разбой, наход, грабёж. Историки права указывают, что кроме этих дел, к подсудности

суда князя и посадника относились также головщина, земельные споры, дела о беглых изорниках¹, преступления против правосудия.

Суду Псковских выборных судей были подсудны споры из договоров, мелкие уголовные дела, а также иногда наследственные дела, которые, главным образом, были подсудны церковному суду. В число Псковских судей входили чуть не все лица городской администрации. К ним относились, кроме посадника и князя (и назначаемых ими лиц), сотские пригородные и городские, а также собственно выборные представители территорий, рассматривавшие дела, возникшие на подведомственной территории. В земельных делах обязательно должен был участвовать князь или его представитель. При судах служили дьяки, которыми сначала были просто грамотные люди, которые умели писать и читать. Впоследствии дьяками стали называть людей, «сведущих в законах, делах судных и управлении»².

Суд владычного наместника – это церковный суд. Данный суд рассматривал две большие группы дел. Первая – это все уголовные и гражданские дела церковных людей: попов, дьяконов, монахов и монахинь. А вторая группа – это дела о наследстве (но это не исключительная компетенция церковного суда³), о преступлениях против нравственности, против самой церкви с участием любых лиц. В случае, когда одна сторона была подсудна церковному суду, а вторая – нет, должен был создаваться совместный суд в составе князя, посадника и владычного наместника.

О суде веча в Псковской судной грамоте сказано только то, что на нём не должен присутствовать князь. Перечень дел в грамоте не определён. Можно предположить, что это были, говоря современным языком, какие-то резонансные дела, всколыхнувшие общество, то есть не столько сложные, сколько задевшие представления общества о справедливости, о должном и требующие восстановления социального мира в большей степени, чем рядовые дела. Стоит полностью согласиться с

признанным авторитетом по вопросам Псковского суда Ю.Г. Алексеевым, который сделал вывод о том, что указание в Псковской грамоте князю не судить на вече означает ни много, ни мало, а судебную реформу. Она заключается как раз в том, что прежний судебный орган – вече как преемник общего собрания в родовой общине – теряет свои судебные функции, и суд становится более формализованной процедурой, проводимой князем с посадником в его хоромы⁴. Вечевой суд недалеко ушел от самосуда, от скорой расправы на потребу толпе, когда решение принималось скорее под воздействием эмоций, а не разума и представленных доказательств. Взрослеющее государство уже не считало это приемлемым. Видимо, поэтому в Псковской судной грамоте и отсутствуют нормы о подсудности суду веча, так как законодатель сужал сферу такой подсудности, но, по инерции, ещё какие-то резонансные дела иногда рассматривались на вече.

Кроме вышеназванных государственных судебных органов, во Пскове судебными функциями обладали братчины. В Псковской судной грамоте сказано о том, что братчина судит, как суд. Братчину называют и территориальной соседской общиной⁵, и даже «объединением, существующим внутри профессионального сообщества (сотни), которое решает в основном торговые и профессиональные споры»⁶. Ни с одной из этих точек зрения нельзя согласиться. Братчины на Руси, в том числе и в удельный период, и после него исследованы дореволюционным деятелем А. Поповым, а также другими авторами, в том числе современными. Их работы убедительно показывают, что братчина не только в ранний момент своего существования (то есть когда это понятие формировалось), но и в последующем была праздником, пиром за общий счёт. Другие названия – складчина, ссыпщина – ссыпание совместно зерна для приготовления пива на праздник. Вполне естественно, что такие совместные праздники устраивались не чужими друг другу людьми, а внутри одного населённого пункта, жителями одной улицы, то есть внутри соседской общины. Более того, на

¹ Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 74 // <https://www.hse.ru> (дата обращения 31 января 2020 г.).

² Цит. по: Дьячкова А.И. Суд и судебный процесс по псковской судной грамоте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 186.

³ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 421.

⁴ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. М., 1980. С. 21.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Дьячкова А.И. Суд и судебный процесс по псковской судной грамоте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 187.

братчины нельзя было приходить незваными, в том числе (а вернее, в первую очередь) – представителям княжеской администрации, а всех, кто пришёл незваным, можно было выслать вон. Для тех же, кто, придя незваным, не удалился после такого предложения, напился и совершил какие-то правонарушения, «платить вдвое против обычного без суда и исправы»⁷. (Исправа – доказательство)

Происхождение термина «братчина» глубоко исследовано Ф.А. Дорофеевым, который называет этот термин производным от «братина» – сосуд, в котором разносят питья, пиво на всю братию; позднее – большая чаша, которая обходит участников пира вкруговую, символизируя их единение⁸. Таким образом, представляется, что братчина – это не соседская община в чистом виде, так как на неё могли собираться не всей территориальной общиной, и, кроме того, братчина – это непостоянное явление, а собрание людей на празднование, гуляние, то есть именовать общину как таковую братчиной – неверно. Но братчина – это и не профессиональное сообщество в том смысле, в каком такие сообщества нам известны по странам Западной Европы под названием цехов, гильдий. Таковые профессиональные сообщества просто-напросто не сложились в удельной Руси, по крайней мере, не достигли уровня развития своих западноевропейских аналогов. Вот, например, С.В. Юшков указывает, что братчинами назывались общества для увеселений, пиршеств и вообще для весёлого времяпровождения. И он же осторожно указывает, что «по мнению некоторых исследователей, братчины затем превратились в союзы, подобные западноевропейским купеческим гильдиям», правда, не называя этих исследователей, но и не присоединяясь к этой позиции⁹.

Отсутствие влиятельных профессиональных объединений в России, слабое развитие предпринимательства во все времена, отсутствие капиталистических отношений вплоть до второй половины XIX в.

⁷ Попов А.Н. Пир и братчины / Соч. А. Попова. М., 1854. С. 1-2 // <https://www.dlib.rsl.ru/viewer/01003563026#?page=4> (дата обращения 2 февраля 2020 г.).

⁸ См.: Дорофеев Ф.А. Братчина в произведениях С.М. Соловьёва (к вопросу о генезисе православных братств) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 191.

⁹ Юшков С.В. История государства и права России (IX – XIX вв.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 463.

как раз и объясняют отсутствие внесудебных примирительных структур и процедур, ведь они востребованы, прежде всего, именно в среде предпринимательской деятельности, когда у сторон нет желания мести, наказания (или они не играют ведущей роли), нет даже желания восстановления социальной справедливости, а есть только желание покрыть или минимизировать свои убытки, а, по возможности, ещё и получить прибыль. Тогда стороны конфликта готовы искать компромиссы, способны договариваться. Но почвы для складывания и функционирования таких примирительных структур и процедур в России так и не сложилось, поэтому практически единственным примером внесудебного примирения на Руси являются суды братчины. И уж точно нельзя признать в качестве института примирения уплату штрафа (виры) и головничества за убийство по Русской правде¹⁰, на чём настаивает Н.Е. Ефремова, ведь вира – это штраф, назначаемый государством, а головничество – это обязательное возмещение вреда родственникам убитого, размер которого также установлен государством в размере виры! Об институте примирения можно говорить тогда, когда вид и размер ответственности за причинённый вред определяются самими сторонами, и, как правило, вид легче, а размер – меньше, чем в рамках судебной процедуры, проводимой государством. А исполнение наказания, назначенного государством, – это, на наш взгляд, не примирительная процедура, а исполнение своей обязанности претерпеть негативные последствия совершённого проступка, то есть собственно юридическая ответственность и есть.

Итак, братчина – это соседский пир вскладчину по поводу какого-то праздника, в том числе и религиозного. Участники братчины именовались «пивцами» (от глагола – «пить»), и братчина имела пирового старосту – руководителя пира и главного лица на пиру. Если на пиру произойдёт ссора (нанесена обида), драка, будут нанесены побои или кого-то обокрадут, следовало поставить в известность пирового старосту. Он и должен провести процедуру примирения виновной и потерпевшей стороны. Если мирного соглашения удалось достигнуть без вызова пристава, то стороны не будут платить государственных пошлин за

¹⁰ Ефремова Н.Е. Традиции примирения в истории обычного права и законодательства России (дореволюционный период) // Государство и право. 2011. № 7. С. 84.

разбор их дела, что, конечно, было выгодно сторонам. Как указывает А.Н. Попов, жители сёл жаловались на Княжескую администрацию, что она допускает волокиту, и правды доискаться не получается, поэтому братчинные суды весьма приветствовались населением¹¹. Кроме того, в глазах населения они являли собой быстрый и справедливый суд.

Толкование норм Псковской судной грамоты, в которых упоминается суд братчины, а это статьи 27, 34, 80 и 113, дают возможность ограничить круг дел, подсудных суду братчины названными категориями: обида, драка, побои, кража. И нельзя согласиться с утверждением, что братчина судила даже за убийство¹², так как нормы Псковской грамоты не позволяют сделать такого вывода.

Анализ ст. 80 Псковской грамоты приводит к выводу о том, что стороны спора, возникшего на пиру, вправе обратиться в суд. Видимо, это делалось тогда, когда они не смогли примириться. А.Н. Попов считает, что обратиться в суд можно было и спустя некоторое время после состоявшегося примирения, если одна сторона всё же приходила к мнению, что её не устраивают условия примирения¹³. И, по мнению А.Н. Попова, по Псковской судной грамоте это была единственная возможность обжалования состоявшегося решения, так как по общему правилу обжалование не допускалось. Представляется, что обращение в суд в результате недостижения мирного соглашения с противником на суде братчины нельзя расценивать, как обращение к суду второй инстанции, поскольку сам суд братчины – это внесудебная процедура, в ней не участвуют представители государства, на неё не распространяются процессуальные правила, закреплённые нормативным актом. Таким образом, возможность пересмотра результатов примирительной процедуры – это не апелляционное рассмотрение, а самое первое судебное рассмотрение спора.

¹¹ Попов А.Н. Пир и братчины / Соч. А. Попова. М., 1854. С. 2 // <https://www.dlib.rsl.ru/viewer/01003563026#?page=4> (дата обращения 2 февраля 2020 г.).

¹² Дьячкова А.И. Суд и судебный процесс по псковской судной грамоте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 187.

¹³ Попов А.Н. Пир и братчины / Соч. А. Попова. М., 1854. С. 15 // <https://www.dlib.rsl.ru/viewer/01003563026#?page=4> (дата обращения 2 февраля 2020 г.).

Необязательность результатов, постановленных судом братчины, также указывает на внесудебный, внесудебный порядок рассмотрения спора. Цель суда братчины – именно примирить спорящие стороны. Таким образом, это внесудебная примирительная процедура для незначительных споров, возникших на пиру. Однако незначительность споров, рассматриваемых судом братчины, влияет как раз на их относительную многочисленность (убийства, разбои случались, несомненно, реже краж и побоев), и быстрое рассмотрение таких несложных категорий дел – очевидный плюс для общества. Для государства, которое осознаёт себя, как слугу общества – это тоже очевидный плюс – освобождение от необходимости рассматривать эти дела, но для феодального государства – это минус, так как все эти дела рассматриваются без уплаты пошлины государству, а учитывая систему кормления – это прямые потери. Поэтому государство не спешило расширять подсудность братчинного суда, несмотря на просьбы населения об этом. Здесь можно увидеть, как феодальное государство тормозит развитие элементов гражданского общества.

Итак, система судов Псковской феодальной республики соответствовала уровню развития общества, в основном удовлетворяла его интересы, хотя жалобы общества на волокиту отмечены уже в те давние времена. Постепенный отказ от функционирования веча в качестве суда отражает развитие государственного механизма и передачу полномочий от органов общественной самодеятельности (вече в XV в., конечно, уже было государственным органом, но – наследником общинной самодеятельной структуры) к государственным органам. Всем судебным органам предписано вершить справедливый суд, без взяток, при смене власти заканчивать рассмотрение начатых дел старым составом, что должно было обеспечивать цельность восприятия судом обстоятельств дела и формирования у суда внутреннего убеждения для принятия справедливого решения. Иными словами, Псковская судная грамота в XV в. заложила основы для развития эффективно функционирующей судебной системы. Доля внесудебного урегулирования споров была незначительной в силу отсутствия предпосылок в системе общественных отношений.

Список цитируемой литературы:

1. Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 111 // <https://www.hse.ru> (дата обращения 31 января 2020 г.).
2. Дьячкова А.И. Суд и судебный процесс по Псковской судной грамоте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 185-190.
3. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 421.
4. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и её время. М., 1980. С. 242.
5. Попов А.Н. Пир и братчины / Соч. А Попова. М., 1854. С. 23 // <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003563026#?page=4> (дата обращения 2 февраля 2020 г.).
6. Дорофеев Ф.А. Братчина в произведениях С.М. Соловьёва (к вопросу о генезисе православных братств) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 191-194.
7. Юшков С.В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 735.
8. Ефремова Н.Е. Традиции примирения в истории обычного права и законодательства России (дореволюционный период) // Государство и право. 2011. № 7. С. 84-90.

The list of the quoted literature:

1. Marticevich E.D. Pskov Judicial Charter. Historical and legal research. M., 1951. P. 111 // <https://www.hse.ru> (date of appeal January 31, 2020 r.),
2. Dyachkova A.E. Court and trial of the Pskov Judicial Charter // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2011. № 1. P. 185-190.
3. Sergeevich V.E. Lectures and studies on the ancient history of Russian law. M., 2004. P. 451.
4. Alekseev Y.G. Pskov Judicial Charter and its time. M., 1980. P. 242.
5. Popov A.N. Feasts and Bratchinas M., 1854. P. 23 // <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003563026#?page=4> (date of appeal February 2, 2020 r.).
6. Dorofeev F.A. Bratchina in the works of S.M. Solovyov (on the issue of the genesis of Orthodox fraternities) // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2020. № 2. P. 191-194.
7. Yushkov S.V. History of the state and law of Russia (IX–XIX centuries). Rostov-on-Don, 2003. P. 735.
8. Efremova N.E. The tradition of reconciliation in the history of customary law and Russian legislation (pre-revolutionary period) // State and law. 2011. № 7. P. 84–90.